

В

оронежский край несказанно богат выдающимися людьми. Одни здесь родились, как наши великие поэты Алексей Кольцов и Иван Никитин, и всю жизнь трудились на благо людям, своей земле, внося весомый вклад как в культуру региона, так и всей страны. Другие, как педагог Н.Ф. Бунаков (1837–1904) или художник В.П. Криворучко (1919–1994), приехали в наши места, прикипели к ним всей душой, словом, обрели здесь вторую родину. Но были в истории нашего края и такие люди, для которых жизнь на воронежской земле была определенным этапом в их деятельности, но этот период явился столь благодатным и значимым для главного деяния их жизни, что, вероятно, не будь его, трудно было бы говорить о достигнутой цели. Именно так случилось, например, с выдающимся казахским историком Ермуханом Бекмахановым (1915–1966), получившим в Воронеже высшее образование, и Кришьянисом Бароном (1835–1923), великим латышским фольклористом, не только высоко чтимым на родине, но и за ее пределами.

Память о замечательных людях, живших на нашей земле, очень важна для нас, ныне живущих. Ведь память — это прежде всего знание, которое делает нас мудрее, добрее, гуманнее, укрепляет наши патриотические чувства, наполняет наши сердца гордостью за свою землю.

Кришьянис Барон (Barons) для латышского народа — отец дайн. Дайны — это разнообразность латышского народного песенного фольклора, представляющая собой «эпос повседневности». В них отражено духовное богатство древнего латышского народа. По этим метким поэтическим четверостишиям можно проследить всю жизнь латыша, представить его собирательный образ; познакомиться с его мечтами и чаяниями, ежедневными занятиями, особенностями труда; узнать его отношение к природе, окружающим людям, прежде всего родственникам и соседям; представить, каким, по его мнению, должен быть миропорядок; понять его мировидение и мировосприятие; разделить или опровергнуть взгляд на жизненные ценности. Оказывается, дайны могут заменить собой многотомные исследования, повествующие о жизненной философии, народной дипломатии, психологии, педагогике, моральных ценностях латышского народа.

Приведем, например, несколько дайн, чтобы убедиться в их тематической широте.

У селетки две дочурки,
Ходят — так и крутят задом;
А навстречу сынки трески —
Скидывают картузы.

Ах ты, жизнь моя, судьбина!
Много же для жизни надо,
Руки легкие и ноги,
Пониманье-разуменье.

Идет солнце к полудню;
От полудня — к вечеру;
Так вот и прошел мой век
От молодости к старости.
Растет крепенький дубок
На глинистой горочке.
А его с соседней горки
Дразнит липка пышная.

Большое количество дайн (по данным Академии наук Латвии, к концу XX столетия песенных текстов насчитывалось миллион двести тысяч), разнообразие их тематики, наличие вариантов представляли определенную трудность в их изучении и систематизации. Тем более что специальных учреждений, занимавшихся исследованием подобного фольклорного материала, в XIX в. не существовало. Только энтузиасты могли справиться с этой титанической работой. Таким энтузиастом и настоящим подвижником оказался Кришьянис Барон, отдавший сорок пять лет обработке, изучению и систематизации фольклорных записей.

Долгий и тернистый путь пришлось пройти Кришьянису Барону, чтобы латыши стали его уважительно называть «отцом дайн». Огромная научно — исследовательская и просветительская работа Кришьяниса Барона на родине, в Санкт-Петербурге и Москве достойна отдельного рассказа. А нас интересует его связь с семейством Станкевичей, куда он был рекомендован в качестве домашнего учителя. Гувернера для своих детей искал Иван Владимирович Станкевич. Фамилия была известной. К. Барон, конечно, знал о существовании знаменитого кружка, душой которого был Н.В. Станкевич. Вероятно, об этом рано умершем философе и литераторе напомнила ему странная статья известного публициста и литературного критика П.В. Анненкова, представлявшая собой жизнеописание молодого мыслителя и публиковавшаяся в нескольких номерах «Русского вестника» в 1857 году. В том же году вышло отдельное издание с добавлением писем Станкевича: «Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография» (в 2013 году книга переиздана воронежским издательством «Кварта»). П.В. Анненков обстоятельно и правдиво изображал благородный облик юноши, возглавившего кружок, оказавший огромное умственное и нравственное воздействие на

духовную жизнь эпохи. Членами кружка Н.В. Станкевича и адресатами его писем были те люди, которые впоследствии составили цвет российской культуры — К.С. Аксаков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, Я.М. Неверов, И.С. Тургенев и другие. Имена многих из них были известны К. Барону. Наверное, он также прочитал статьи Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского, в которых авторы чрезвычайно лестно отзывались о герое книги П.В. Анненкова.

Семья, которая воспитала человека такого «необыкновенного и глубокого ума» (К.С. Аксаков), эту «божественную личность», имевшую «великую, гениальную душу» (В.Г. Белинский), может быть наделена самыми позитивными эпитетами. Предложение стать домашним учителем в семье Станкевичей К. Барон принял безоговорочно.

Еще до отъезда в провинцию К. Барона познакомили с Александром Владимировичем Станкевичем (1821–1912), жившим в Москве. К этому времени он уже проявил себя как писатель и общественный деятель. Его повести «Ипохондрик», «Идеалист», «Из переписки двух барышень» и другие, критические статьи, рецензии публиковались в журналах «Современник», «Русский вестник», сборниках «Для легкого чтения» и в альманахе «Комета». А.В. Станкевич, как и его выдающийся старший брат Николай, высоко ценил и безмерно уважал Т.Н. Грановского, профессора истории Московского университета. Общение с кумиром студентов было тесным еще и потому, что Александр Владимирович был женат на Е.К. Бодиско, двоюродной сестре историка-медиевиста. После смерти Т.Н. Грановского (1855) А.В. Станкевич возглавил литературно-общественный кружок, в котором вдумчиво и обстоятельно размышляли о путях развития России. Потомки благодарны А.В. Станкевичу также за то, что он написал биографию знаменитого историка (М., 1869; 1897). Она объективно отражает социально-культурный контекст жизни и деятельности историка.

Иван Владимирович Станкевич (1820–1907), с чьими детьми предстояло заниматься К. Барону, всего лишь два года служил в Кинбурнском драгунском полку, после чего,

взнузавшись в родную Удеревку, с огромным энтузиазмом занялся хозяйственной деятельностью, продолжая дело отца, крупного острогожского помещика. Определяя свою судьбу, Иван Владимирович, пожалуй, в первую очередь руководствовался мнением Николая, неоднократно перечитывая письмо, адресованное ему, брату Александру, а также И.П. Ключникову, В.Г. Белинскому и М.А. Бакунину (29.10.1837). Старший брат писал: «...человек тогда только узнает, чего ему надобно, когда узнает вполне, что он такое, и согласится, примет это значение, насладится им». Иван Владимирович понял, что быть хорошим хозяином, семьянином — это его предназначение, в этом он видел смысл жизни. На этом поприще он добился впечатляющих результатов: у него был прекрасный конный завод, где выращивались верховые лошади орловской породы, участвовавшие в выставках, винокуренный завод, большие посевные площади, великолепный сад. Удеревский помещик имел независимый взгляд, отличался демократизмом, отзывчивостью к общественным запросам, ценил образование. Он, как и его брат Николай, был смотрителем Острогожского уездного училища, оказывал благотворительную помощь. В жены он взял бывшую крепостную девушку Дарью Алексеевну Камышеву, что вызвало не только различные толки в дворянской среде, но и отказ священника венчать молодых. Поэтому дети И.В. Станкевича считались незаконнорожденными. Лишь когда родился восьмой ребенок — сын Иван — отцу удалось добиться венчания, дети получили фамилию отца, а немного позднее были причислены к дворянству. Борьба с бюрократическими препонами, открытое презрение, выказанное некоторыми дворянами И.В. Станкевичу по поводу его женитьбы на крестьянке, нежелание священника совершить обряд венчания — все эти факты, вероятно, склонили Ивана Владимировича к тому, чтобы проигнорировать указание жандармов о политической неблагонадежности К. Барона. Ценность человека для хозяина Удеревки определялась не его сословной принадлежностью, а качествами личности. Оттого-то более четверти века длилось пребывание К. Барона в гостеприимном доме И.В. Станкевича: он чувствовал себя здесь ровней, а не слугой.

Крестным отцом детей И.В. Станкевича

был его сослуживец, оставленной поручик Кинбурнского полка Иван Николаевич Афанасьев, родной брат знаменитого фольклориста, собирателя и издателя «Русских народных сказок». Иван Владимирович и не предполагал, что скоро рассуждать о важности фольклора в духовной жизни народа он будет с человеком, который связан с фольклором не опосредованно, как Иван Николаевич, а непосредственно: фольклорист поселился в его доме.

Педагогическая деятельность была знакома К. Барону. С одной стороны, еще учась в Митавской гимназии, он давал частные уроки, а летом 1860 года собрал детей родственников и устроил домашнюю школу в Валпене, обучая юных латышей всемирной истории, математике, географии, пению, а также занимаясь с ними гимнастикой. С другой стороны, просветительство, просвещение людей в широком смысле слова являлось для него жизненной целью, для многих его публикаций характерен дидактизм.

Вместе с тем К. Барон понимал, что в Удеревке Бирюченского уезда Воронежской губернии (теперь эта местность относится к Алексеевскому району Белгородской области) его ждала педагогическая деятельность другого рода. Ему предстояло проводить с детьми все свое время, что налагало на него большую ответственность. Он должен был стать для воспитанников не просто гувернером, учителем, а старшим другом, советником, уважаемой личностью. Дети очень восприимчивы, а личность учителя играет в их личностном становлении и развитии весьма важную роль. Об этом неоднократно писали ученые-педагоги. Так, современник К. Барона выдающийся русский педагог П.Ф. Каптерев, в частности, подчеркивал: «Учитель должен быть не только педагогом, но и цельюю, настойчивою, энергичною личностью, честно мыслящею и твердо действующею. <...> Только от частного соприкосновения с такими установившимися, твердыми и цельными личностями подрастающие поколения не на словах, а на деле могут учиться твердости духа и выдержке, только такие педагоги могут выковывать стойких борцов, сильных личностей». Это хорошо понимал Барон. Сам он был целеустремленной, сильной, мыслящей личностью. Он научился верить в свои силы и эту

веру стремился пробудить в своих земляках, увлечь их за собой. Так, еще в 1863 году в одной из своих статей он писал: «Пробуди в ребенке смелый ум» и объяснял родителям, педагогам, почему это необходимо сделать. «В жизни нужны отвага и мужество, — справедливо утверждал учитель. — В первую очередь благодаря им можно надеяться на успешное преодоление всех препятствий. Смелый ум возвышает духовную силу человека и его добрые качества. Смелый ум — значит, уже обеспечена половина дела. Смелому человеку с ясными, благородными понятиями удастся одно дело за другим. <...> Смелый ум и мужественное сердце — первый и единственный источник счастья при всех житейских злоключениях».

На Воронежской земле Кришьянису Барону, которого теперь стали звать на русский манер Христианом Егоровичем, предстояло воплотить теорию в практику. На его попечении было четверо младших детей И.В. Станкевича: Алексей, Мария, Любовь и Иван. Обязанности его были весьма обширны: он преподавал им языки (немецкий, латынь), математику, естественные науки (физику, ботанику). Эти дисциплины были близки педагогу. В Прибалтийском крае, где господствовало ослезство, без немецкого языка обойтись было невозможно. Латинский язык К. Барон прекрасно освоил, учась в Митавской гимназии; в Дерптском университете он изучал математику и астрономию. Интерес к растительному царству проявился у него с той поры, когда был пастушонком и прошел пешком почти всю Лифляндию и Курляндию.

Предметы, которые преподавал К. Барон, являются очень важными в школьном образовании. Так, языки и математика издавна признаны педагогическим опытом образованного человечества одним из лучших образовательных средств. Их усвоение способствует развитию логического мышления, укрепляет память, закаляет волю, делает характер учащегося более твердым. Без усидчивости и трудолюбия добиться хороших результатов в языках и математике невозможно.

Изучение естественных наук также шло в тесной связи с воспитанием детей. Учитель понимал, что осуществление правильного воспитания вне прямых отношений с природой,

большой прогулок с детьми и маленьких путешествий невозможно.

Местность, в которой располагалась Удеревка, была необычайно живописна. Имение И.В. Станкевича (в 15 километрах от Острогожска) находилось в степи, у обрыва реки Тихая Сосна. Оно стояло на высоком меловом холме, внизу текла Тихая Сосна, за которой тянулись луга. Берег реки и луга обрамляли заросли ольхи. Меловые откосы, зеленые луга, бескрайние степи создавали чарующую красоту, забыть которую было невозможно. Красота этих мест, отношение к нему хозяина дома и всех домочадцев влекли сюда К. Барона и тогда, когда дети уже не нуждались в его опеке и учились в московских гимназиях. В Удеревку он ездил вплоть до 1893 года.

Показательно, что Кришьянис занимался и сам английским и французским языками с учителями, обучавшими детей И.В. Станкевича. Это весьма ценная черта в педагоге — забота о своем совершенствовании, желание самообразовываться. Она сближает учителя с учениками единством образовательного процесса, «делает понятным учителю ученика, а ученику учителя».

Барон стремился узнать индивидуальные особенности своих питомцев. Он хорошо понимал, что без этих знаний трудно содействовать личностному развитию ребенка. В своей педагогической деятельности на первое место он ставил развитие и воспитание, а не обучение. Ведь все дело в духовной и физической силе человека, в развитом внимании, творческом воображении, хорошей памяти, умении логически мыслить, а не в том, сколько он знает иностранных языков или, скажем, географических названий.

К своим воспитанникам К. Барон относился с уважением, признавал личностную свободу каждого, воспитывал в них самостоятельность и ответственность за свои поступки, убеждал детей в том, что без твердого порядка и закона невозможно жить.

Спортивные и другие игры, в которые приходилось играть учителю с детьми, наглядно демонстрировали им, как важно в жизни соблюдать правила и делать все в соответствии с законом. Дети восхищались своим учителем, который действительно стал для них старшим другом. Он не только много знал, но и многое умел. Он сажал

дубы в парке Удеревки, где занимался с детьми гимнастикой; прилагал к старой лодке парус и радовал молодежь своим умением управлять им; научил детей кататься на коньках, и это увлечение имело многих последователей, так что в Острогжске даже возникло Общество конькобежцев (семья Станкевича осенью и зимой жила в Острогжке).

Взаимопонимание, взаимоуважение К. Барона с воспитанниками было обоюдным. На своем опыте он понял, что «педагогическое дело есть дело тонкое, деликатное, есть соприкосновение душ поколений, непрерывное воздействие друг на друга умов и сердец».

Контакты К. Барона с интеллигенцией Острогжска, который уважительно называют Воронежскими Афинами, мало исследованы. Но известно, что в период пребывания латышского фольклориста в городе учителем истории и географии уездного училища, а затем его штатным смотрителем работал публицист, драматург, общественно-культурный деятель Кирилл Григорьевич Греков (1852–1916); Михаил Федорович Комаров (1844–1913), служивший здесь присяжным поверенным, был библиографом, литературным критиком, переводчиком (переводил на украинский язык Гоголя, Тургенева, Л.Н. Толстого), публиковал фольклорные тексты, издавал серию научно-популярных книг для народа.

Конечно, К. Барон знал, что с Острогжском связаны имена многих выдающихся людей России. В этом ряду и «странствующий философ» — Г.С. Сковорода и «кумир на бронзовом коне» — Петр Великий, и автор «Дум», вступивший в противоборство с самодержавием — К.Ф. Рылеев, и крепостной крестьянин, достигший профессорского звания — А.В. Никитенко, и академик Академии художеств, блестящий портретист — И.Н. Крамской, и родной дядя его воспитанников, «душа студенческого братства», создатель философско-литературного кружка — Н.В. Станкевич).

Помимо прямых учительских обязанностей К. Барон выполнял и другие. Так, он должен был после летних каникул отвозить в Москву старших сыновей И.В. Станкевича, устраивать их в древней столице на время учения, весной привозить их в родной дом.

В Москве он часто делал покупки для большой семьи Станкевича, так, что закупил ими почти целый вагон.

Учитель искренне радовался успехам своих воспитанников. Так, Алексей (1856–1922) посвятил свою жизнь книге. Он был историком литературы (интересны его исследования о Грибоедове, Кольцове), переводчиком (переводил сочинения иностранцев о России), библиофилом и библиографом (библиотекарь и заведующий библиотекой Исторического музея Москвы), издателем (собрал и издал произведения Н.В. Станкевича (М., 1890), подготовил, прокомментировал и издал его переписку (М., 1914). Алексей Иванович, так же, как и его наставник К. Барон, и как их современник В.В. Розанов, понимал, что «в конце концов все стекается в слово, и все заещается потомству: эти два мотива и родят книгу». «Книга же взята как центр культуры, потому что действительно в книгу падает всякая дозревшая и полновесная мысль». Значимость и ценность книги в жизни индивидуума, всего народа и даже человечества подвигали К. Барона к делу его жизни: изданию дайн.

В 1870-е годы, когда дети И.В. Станкевича обучались в гимназиях, К. Барон проводил зимы в Москве, где быстро сошелся с московскими латышами, собиравшимися у К. Валдемара. Беседы, а порой и споры касались, конечно же, путей развития латышского народа, его культуры. К. Барон и его единомышленники понимали, что в основу развивающейся латышской литературы должна лечь народная песня, для которой характерен демократизм, справедливый взгляд на жизнь, выработанные народом этические нормы общежития, развитое эстетическое чувство. О значении фольклора и, в частности, дайн К. Барон писал в письме Карлису Трейеру (01.01.1880 г.): «Зачем мы собираем эти "пустячки"? О том, что это вовсе не пустячки, мы понимаем по тому, что многие ученые занимались ими, только эти ученые были из немцев. Пора и нам взяться за дело, пока не поздно. Вот и для изучения литовского народа недавно основали общество, в котором состоит много ученых. Многие филологи за границей и в России изучают теперь литовский и латышский языки, которые сохраняют близость к стволу общего

европейского языка и посему весьма полезны в изысканиях. Столь же большую пользу приносят им сведения о старых обычаях и повериях. Так что это отнюдь не "пустячки". Взять, например, заговоры, казалось бы, действительно пустяковое дело, и не стоят они того, чтобы их собирать и изучать. Но если посмотреть глубже, то обнаруживается, что они играют весьма важную роль в изучении народа. Заговоры, заклинания, поверья — это остатки древних религий, молитв и обрядовых действий, которые ныне кажутся совершенно бессмысленными, но, верно понятые и взятые в сравнении с древними сведениями, они раскрывают свою истинную суть. В древнейшие времена они не меньшую роль играли в жизни народа, чем современная религия с ее молебствиями и церемониями. Потому-то эти "предрассудки" и живут так долго в народной памяти. Поскольку все индоевропейские народы тесно связаны друг с другом — особенно это относится к древним временам, — то все эти сведения имеют ценность и для изучения других народов.

Но, может быть, подобное духовное наследие вовсе бесполезно для современно-го просвещения народа? Обо всем этом сказать в письме я не могу, потому коснусь лишь народных песен. В них живет истинно поэтический дух, в них мы находим полновесные зерна мысли, выраженные точными, чудесными словами, по ним мы учимся чистому латышскому языку, на их примере мы познаем истинные законы поэзии»...

В начале 1880-х годов К. Барон стал работать учителем немецкого языка в женской Мариинской гимназии в Москве: дети И.В. Станкевича выросли и уже не требовали большого внимания. Теперь он жил с женой и сыном, студентом медицинского факультета Московского университета. (К. Барон женился незадолго до переезда в семью И.В. Станкевича, жена с сыном оставалась в Санкт-Петербурге, видется с семьей удавалось нечасто). Бароны снимали квартиру напротив дома Станкевичей в Столовом переулке, рабочий день у Кришьяниса Барона был поделен на три части — занятия в гимназии, у Станкевичей и дома.

Квартира Барона в Москве стала местом сбора латышей, образовался кружок, участники которого обсуждали новости на роди-

не, помогли нуждавшимся латышским студентам, создали даже свою библиотеку, устраивали спевки.

К. Барон энергично работал над систематизацией песен: объединял их в тематические группы, внимательно исследовал варианты, каждую песню стремился свести к классическому четверостишию. Древняя латышская песня создавалась как миниатюра, где первые две строки содержат постановку проблемы, исходный пункт действия, вторые две — поэтическое ее разрешение. Конечно, есть дайны, состоящие из шести и более строк, но это для них нетипично.

В 1892 году сын Барона, Карлис, окончил Московский университет и получил работу в Риге. Через год на родину вернулся отец и увидел, что в жизни родного края произошли большие изменения. В декабре 1893 года он писал своему воспитаннику Ивану Станкевичу: «После долгого отсутствия — 30 лет — вновь оказавшись на родине, я нашел, что здесь все очень изменилось, и должен признать, что нельзя отрицать значительно-го прогресса как в духовной, так и в материальной жизни по сравнению с прошлым. Все это радует. Но лично я чувствую себя довольно одиноко. Мои прежние друзья и сверстники большей частью поумирали, меня окружают новые люди, новые идеи».

Кришьянис не переставал думать об издании дайн, но для этого нужны были деньги. Ф. Бривземник, вернувшийся в Латвию в 1887 году и служивший в Главном управлении латышскими школами, сумел заинтересовать владельца торговой фирмы и журналиста Генри Виссендорфа латышскими дайнами, который вскоре организовал сбор средств. В 1892 году началась переписка Барона с Виссендорфом, длившаяся 22 года.

К. Барон много размышлял над тем, что должно быть положено в основу классификации песен. И пришел к заключению, что таким основанием является сама жизнь латышского народа. Песня отражает, фиксирует все жизненные циклы народа. Это художественный документ народной жизни. Жизненный цикл человека тесно связан с природой, обществом, современниками — родственниками, соседями, предшественниками и потомками. Жизнь человека — это не только физическое развитие, но и духовное, руководствующееся рассудком,

чувствами, бессмысленное без труда, веры и мечты.

Так латышские народные песни были классифицированы К. Бароном в соответствии с жизненным циклом человека. В первый раздел вошли песни о рождении ребенка, ритуальном введении в семью и род, воспитании, молодых годах, любовной поре и изобильной песнями поре сватовства, свадьбе с ее действием, семейной жизни, старости, смерти, похоронах. Во втором разделе — песни о различных ремеслах и работах при доме, в поле, на выгоне, в лесу, на реке, в море. Третий — содержит песни о мире, с которым сталкивается человек вне усадьбы и семьи, — об отношениях батрака и хозяина, соседей, богатых и бедных, но более всего — об отношениях с помещиком, «бароном», «немцем». В четвертом разделе помещены песни о международных делах, насколько они могут входить в жизнь сельской усадьбы; песни о войне, о других, враждебных или дружественных, народах, грустные рекрутские песни. В пятом разделе — песни, связанные с праздниками и торжествами и среди них, прежде всего, песни о дне летнего солнцестояния — величанием Яниса (день Яниса, день Лиго — 24 июня — праздник божества плодородия, родственный многим народам Европы, например у восточных славян день Ивана Купалы). В шестом разделе — мифологические песни о Солнце (Сауле) и Месяце, Перконе и Диеве.

Единственное отступление от схемы заключалось в том, что выпуски «Латышских дайн» открывались обширным разделом о песнях и пении.

Первая тетрадь первого тома вышла 21 мая 1894 года. Всего в первом томе было 969 страниц песенных текстов с комментариями и 24 страницы предисловия. Издание первого тома продолжалось до весны 1898 г.: К. Барон вносил дополнения.

Финансовые проблемы обусловили Ген-

ри Виссендорфа обратиться в Российскую Академию наук с просьбой помочь в печатании остальных томов. В 1903 году вышел второй том объемом в 1162 страниц с песнями, посвященными молодым годам человека. Так издание «Латышских дайн» перешло в ведение Российской Академии наук. В 1915 году, несмотря на военное время (шла Первая мировая война), появились из печати последние тома «Латышских дайн» — пятый и шестой. Огромный труд был завершен.

Латышские народные песни были изданы в шести томах (восьми книгах), содержащих 6256 страниц и 217 996 песен.

Издание «Латышских дайн» К. Барона дало мощный толчок к развитию латышской литературы, филологии, этнографии, музыки, культуры в целом.

Жизнь К. Барона сложилась счастливо потому, что он достиг цели, к которой стремился долгие годы. Он как личность проявился в трех аспектах — гражданина, ученого, педагога. В каждой ипостаси он самоотверженно трудился на пользу людям, своей деятельностью воплощал в жизнь идеалы добра, просвещения, гуманизма, справедливости. Он любил, уважал и ценил народную культуру и делал все для ее сохранения.

Латыши не забыли своего выдающегося сына, к 150-летию «отца дайн» летописцы Кришьяниса Барона побывали и в Черноземье, в Мухоудеревке. Теперь здесь, в здании школы, построенной еще в 1908 г. в память о великом земляке Н.В. Станкевиче, в 1990 г. открыт его музей, в котором одна из комнат посвящена жизни и деятельности латышского фольклориста, педагога, поэта К. Барона. Огромный валун, привезенный из Риги, свидетельствует о пребывании выдающегося латыша на русской земле, где вся окружающая обстановка с ее прекрасной природой и доброжелательными людьми способствовала его плодотворной работе.

